Бузгалин Александр Владимирович,
доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова,
Колганов Андрей Иванович,
доктор экономических наук, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ им. М.В.Ломоносова,

К критике политической экономики (эко-социо-гуманитарная открытость политэкономии как альтернатива экономическому империализму)

Аннотация

Авторы предлагают систему аргументов, доказывающих, что т.н. «экономический империализм» есть не более чем превратная форма теоретического отражения тотального господства рынка и капитала в современном обществе. Результатом последнего становится повальная коммодификация всех социальных отношений и человеческих ценностей («все на продажу!»), что некритически и отражает экономикс. В результате экспансии методов и инструментов этой парадигмы, видящих во всех общественных процессах исключительно формы или производные рыночных трансакций, общественные науки становятся неспособны не только исследовать, но просто отразить огромные пласты не-рыночной экономической, социальной, политической, культурной жизни.

В качестве альтернативы этой эпидемии предлагается эко-социо-гуманитраная ориентация экономической теории и практики, реактуализация обновленных классических методов социально-экономических, социо-политических, гуманитарных исследований.

Ключевые слова

Политэкономия, марксизм, экономикс, «экономический империализм», социальные, экологические, гуманитарные приоритеты развития.

Summary

Authors propose system of arguments to prove the conclusion, that so called ‘economic imperialism’ is simply perverted form of theoretical reflection of total hegemony of market and capital in modern society. The result of this hegemony, non-critically reflecting by economics, is total commoditization of social relations and human values (‘everything for sale’). The consequence of the expansion of micro economics’ methods and instruments, which see in all social processes only forms of market transactions, is impossibility of social sciences not only analyze, but simply reflect huge spheres of non-market economic, social, political and cultural life.

As alternative to epidemic expansion of economics eco-socio-humanitarioan orientation of economic theory and practice and reactualisation of renovated classic methods of social sciences is proposed.

Key words

Political economy, Marxism, economics, ‘economic imperialism, social, ecological, humanitarian priorities of development.

Начнем с очевидного: доминирование неоклассической экономической теории в мире и в России было и остается реальностью. Однако после мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007-2008 годах, ситуация быстро и активно изменяется.

Полемика нарастает
(вместо вступления)

Впрочем, в России критика абсолютного доминирования неоклассического направления идет давно и хорошо известна специалистам. Еще в 1992-1993 гг. в рамках дискуссии по проблемам поиска новой парадигмы отечественной экономической науки высказывались сомнения в целесообразности сведения теории и преподавания к неоклассической парадигме. Такого рода публикации продолжались и в последующем. Не менее активно публиковались статьи с критикой засилья неоклассики в журналах «Экономист» [Пороховский, 2011], [Покрытан, 2011], «Российский экономический журнал» и др. [Львов, Пугачев, Сухотин, 1993], [Черковец, 1996], [Рязанов, 1996]. В 1990-е – 2000-е годы вышли четыре книги «Капитал» и «Economics» под редакцией В.Н. Черковца [Капитал…, 2006] [Капитал…, 2009] и др.

Активную политику, направленную на восстановление в правах политической экономии (не в ущерб, а в дополнение к микро- и макроэкономике) ведет заведующий кафедрой политической экономии экономического ф-та МГУ им. М.В.Ломоносова А.А.Пороховский, его поддерживают многие коллеги: из Санкт-Петербурга (В.Т.Рязанов), Ростова-на-Дону (О.Ю.Мамедов), других городов России, а так же Украины (А.А.Гриценко, Г.Г.Задорожный, В.Н.Тарасевич и др.), Казахстана (У.Ж.Алиев) и ряда других государств СНГ. Весной 2010 года в Москве прошла международная конференция по проблемам развития политической экономии, материалы которой были опубликованы в 7 журналах России и Украины [Павлов, 2010, 2011]. Год спустя, 20 апреля 20011 года в Москве, в МГУ им. М.В.Ломоносова прошла учредительная конференция Международной политэкономической ассоциации стран СНГ, в которой приняло участие более 80 ученых из 20 городов из 4-х стран СНГ, а 16-17 апреля 2012 года прошел ***Первый политэкономический конгресс стран СНГ***, собравший более 400 участников, включая руководителей кафедр экономической теории и/или истории экономической мысли многих крупнейших университетов России (МГУ, СПбГУ, ГУ ВШЭ, ЮФУ и др.), Украины (Киевский, Харьковский и другие университеты) и др. стран, многих известных ученых РАН и др. научных центров.

Критично относится к абсолютному доминированию economics директор Института экономики РАН Р.С.Гринберг и ряд других академиков. Укажем также на работы Ю. Осипова и его коллег по Философско-экономическому обществу, регулярно публикующих материалы на эту тему в журнале «Философия хозяйства». Критикуют economics и зарубежные, в том числе – американские – ученые [Аккерман, Ананьин, Вайскопф., Гудвин, 1997], [Ноув, 1993], [Ormerod, 1997].

Новый импульс этой полемике придали статьи, посвященные острой дискуссии вокруг т.н. «экономического империализма» и публикующиеся с 2008 г. в журнале «Общественные науки и современность». Именно в рамках этой дискуссии лежит и наш текст[1].

В этой полемике за последние четыре года приняло участие едва ли не большинство известных теоретиков России и это не случайно: тема далека от чисто академического спора о соотношении различных общественных наук: она прямо связана с проблемой социальной роли и практического значения и экономической теории, и других общественных дисциплин.

Мы отнюдь не склонны пересказывать все опубликованные в рамках этой дискуссии тексты, но хотел бы отметить, что лишь относительно недавно и только в связи с кризисом в этих текстах появилось признание *фундаментального кризиса*

[1] Заметим: непосредственным импульсом для написания этой статьи стала подготовка авторами одного из пленарных докладов для международной научной конференции «Политическая экономия: исследуя капитализм», проведенной в Сорбонне рядом международных политэкономических ассоциаций 5-7 июля этого года и собравшей более 800 участников из десятков стран мира.

господствующей в экономической теории неоклассической парадигмы. В рамках дискуссии на это в 2011 г. прямо указал В.М.Полтерович, сославшись и на авторитет 10 английских ученых, отвечавших на вопросы Британской королевы, недоумевавшей, как ее ученые мэтры сумели не заметить приближение кризиса и на протесты в студенческой среде – от Франции до США [Полтерович, 2011] [2]. При этом, однако, академик Полтерович «не замечает», что описываемый им кризис поразил именно ту науку, метод, язык и инструментарий которой он предлагает развивать в рамках предлагаемого им «общего социального анализа». Мировой экономический кризис, однако, не подсказал ничего такого, что не говорилось бы ранее. Он всего лишь *вновь* указал на необходимость поиска принципиально иной парадигмы и в экономической, и в других социальных теориях – парадигмы, лежащей «по ту сторону» не только монетаризма, не только неоклассики в целом, но и той методологии, на которой все они выросли – методологии исключительно квантифицируемых функциональных связей, верифицируемых при помощи обращения к статистике или иным эмпирическим данным, являющейся калькой с естественно-научной позитивистской методологии.

Между тем, практически все участники полемики в журнале «Общественные науки и современность», как поддерживающие важность и плодотворность «экономического империализма», так и критикующие эту тенденцию, по сути дела не подвергают сомнению то методолого-теоретическое поле, инструментарий и язык, в рамках которого они ведут полемику. Все – от рьяно защищающих «экономический империализм» Гуриева, Балацкого, Яновского до не менее жестко критикующих его Урнова[3] и Полтеровича и включая всех относительно «нейтральных» комментаторов[4], не подвергают сомнению фундаментальные постулаты позитивизма, на которых базируется «экономический империализм».

К числу таких постулатов относятся четче всего сформулированные Полтеровичем параметры: (1) опора на эмпирический материал, почерпнутый из статистических индикаторов, данных опросов, институциональных и иных экспериментов; (2) использование в качестве аналитического аппарата формальной логики и математики (преимущественно – эконометрики и теории игр); (3) изложение результатов при помощи все того же математизированного языка [Полтерович, 2011, с. 109].

---

[2] Подчеркнем: в политэкономических кругах не только Запада, но и России публикации об этом провале «мейнстрима» идут с 2008 года [Главная…, 2008]. Особенна интересна в этом отношении статья А.И.Московского указывающего на недостаточность «основного направления» и описывающего своеобразную забастовку студентов Гарвардского университета, ушедших с лекции по микроэкономике профессора Мэнкью – всемирно известного автора изданного миллионными тиражами на десятках языках учебника economics [Московский, 2012].

[3] Надо отдать должное жесткой и остроумной критике этим автором экономического империализма. Мало кто решился бы написать строки, которые я не откажу себе в удовольствии процитировать: "С моей точки зрения, экономический империализм представляет собой не столько научную парадигму, сколько вид интеллектуально-мануального самоудовлетворения, отличающийся от множества других видов этого занятия мощным психотерапевтическим эффектом. Экономистам, регулярно практикующим империализм, он дарует чувство уверенности в том, что для понимания любых сторон человеческой жизни не нужно знать ничего, кроме экономической теории (т.е. кроме того, что они и так уже знают)» [Урнов, 2009, с. 138]. И тем не менее, замечу: с методолого-теолретической точки зрения все сказанное Урновым есть критика неоклассики за то, что она чрезмерно узко и неточно интерпретирует… политический рынок. То, что политика есть являение исключительно капиталистического мира и то, что она по сути есть именно рынок – эти главные ограничения «экономического империализма» Урнов «не замечает» и это не случайно: он, как и его оппоненты «одной крови», принадлежат к одной ветви методологии и теории.

[4] Это касается и тех авторов, которые стараются (как, например, В.С.Автономов или О.И.Ананьин) занять позицию объективного, стоящего «над схваткой» аналитика. Так, первый из этих известных авторов предлагает всего лишь создавать новую, основанную на предпосылке несовершенства информации микроэкономику [Автономов, 2010, с. 173-176], второй – унять эмоции, принять во внимание фактор конкуренции на научном рынке и вести взаимообогащающий диалог, оставаясь преимущественно в рамках прежнего методолого-теолретического пространства и принципов [Ананьин, 2009, с. 130-139].

Афористично мы бы эту задачу выразили так: *если «экономический империализм» настаивает на том, что все общественные науки должны научиться считать, исходя из критериев экономической эффективности, то, по мнению авторов, задача прямо противоположна: ввести в поле общественных наук (в том числе – экономических)* ***и*** *то, что нельзя сосчитать*, научить и экономистов, и других обществоведов работать **и** с неквантифицируемыми и непосредственно эмпирически не представленными феноменами (сущностями, а не только явлениями и формами). Выражаясь западным языком, надо сделать экономическую теорию одной из областей social science, а *экономистам и остальным обществоведам надо научиться сначала читать, затем понимать, а потом и писать работы, аналогичные пространным трудам Смита, Маркса, Маршалла и К°*[5].

Доказательству этой тезы в немалой степени будет посвящен данный текст, который, однако, будет включать в себя и содержательное объяснение причин экспансии «экономического империализма» и анализ как потенциала, так и пределов лежащих в его основе методов, языка и инструментария.

И еще одно важное предварительное замечание: вопреки существующему сейчас представлению, о том, что экономика – это исключительно неоклассика (а оно неявно присутствует в статьях Гуриева, Яновского, Балацкого и не только), современная экономическая теория гораздо более многогранна. Существуют и развиваются многообразные парадигмы гетеродоксальной экономической теории, которые по своим параметрам гораздо ближе другим социальным наукам, чем к своему «однофамильцу» – экономикс[6]. То, что сегодня в мире доминирует неоклассика, отнюдь не есть доказательство того, что она единственно истинна. Когда-то в мире доминировала теология и доказательство подобия треугольников апеллировало к велению божию, а за развитие светской науки отправляли на костер, но жизнь, а вместе с ней и наука, меняются…

Если же мы будем исходить из многообразия парадигм экономической теории, то нам надо будет и существенно скорректировать постановку самой проблемы. *В точном смысле слова речь должна идти не об экономическом империализме, а об экспансии рыночноцентричной неоклассической ветви экономической науки (ее методов, языка, инструментария) и о подавлении как других парадигм экономической теории, так и других социальных наук с присущими им специфическими методами, языком и инструментарием* [7].

В своих предыдущих публикациях мы не раз обращались к теме соотношения политической экономии и economics, поэтому в данной статье позволим себе поставить

---

[5] Анализируя рост числа изданий по экономике Е.В.Балацкий приходит к любопытному выводу: единственный способ дальнейшей работы – писать короткие статьи на преимущественно математизированном языке. Вдумчивое штудирование «Капитала» представляется сегодня просто нереальным – заключает он [Балацкий, 2012, с. 147]. Этот вывод предельно откровенен: сколько-нибудь целостное концептуальное произведение слишком сложно для современного представителя мейнстрима. Он не способен его осилить. Неужели эта вся «тайна» критики «Капитала»? Слава богу, хоть в нашей стране пока остаются ученые, для которых (о чудо!) на 2-3 курсах университета нашлось время для вдумчивого ознакомления со Смитом и Марксом. Эти ученые, действительно, имеют право на критику классической политэкономии, но не те, кто просто не может ее «вдумчиво проштудировать».

[6] В США существуют ассоциации радикальной политической экономии и гетеродоксальной экономической теории, ряд других научных сообществ, нацеленных на развитие плюрализма в экономической теории. Аналогичные сети и сообщества существуют в Западной Европе, Японии, Китае. Успешно развиваются Всемирная ассоциация политической экономии (World Association for Political Economy) и Международная инициатива по развитию политической экономии (International Initiative for Promoting Political Economy) и др. (См. более подробную информацию на их сайтах: www.hetecon.net; www.wrpe/org; www.iippe.org; www.urpe.org.)

[7] В.В.Радаев справделиво отмечает (со ссылкой на М.Гранноветтера), что у социологов – свои методы Для экономиста (неокласика – *авт.*) в качестве предпосылки выступает независимость индивида в принятии решений, тогда как для экономсоциолога фундаментальная предпосылка – включенность человека в социальные отношения [Радаев, 2008].

новую проблему: потенциала и пределов экономического империализма и возможных альтернатив этому подходу.

«Экономический империализм» и «политическая экономика»: причины и пределы экспансии

Развитие порожденного тотальной экспансией экономикса «экономического империализма» привело к неожиданному, на первый взгляд, результату: возрождению в конце XX века термина «политическая экономия» в совершенно ином, нежели сто и двести лет назад, смысле. Под ней стала пониматься базирующаяся на неоклассической парадигме теория, изучающая экономическую политику (трактуемую, как правило, в неолиберальном духе) и иные не-экономические процессы при помощи методов экономикс. С этим полем прямо взаимосвязана и уже давно известная теория общественного выбора, в рамках которой политический процесс рассматривается преимущественно как рынок особого рода. Как рынки особого рода, на которых действуют рациональные индивиды-эгоисты, понимают в рамках этой теории и иные (социальные, культурные и т.п.) процессы. Тем самым «новая» политическая экономия или «политическая экономика» (political economics) ныне предстает в большинстве случаев как методология и теория экономикс, примененные к исследованию неэкономических процессов «Наиболее успешным проектом в области политико-экономических исследований в современных социальных науках можно считать политическую экономику (political economics) или новую политическую экономию (new political economy). Если упрощать, то суть данного подхода составляет исследование политической сферы (как в вопросах экономической политики, так и в областях, не связанных с последней) с использованием допущений теории рационального выбора и экономических методов, как правило, на основе математического моделирования. Существование экономической политики как таковой и конкретные ее направления определяются (экзогенно заданными) предпочтениями игроков на «пространстве политик», или, в частном случае, их эгоистическими интересами (скажем стремлением к максимизации голосов, к росту контролируемого бюджета, к поиску ренты, к власти, престижу и др.)» (Либман А.М. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики, 2008, №1). [Либман, 2008].

Концепции новой политической экономии изложены в работах: [Buchanan, Tullock, 1962] [Бьюкенен, 1997] [Таллок, 2011]. В России в конце 2000-х гг. появился новый журнал «Экономическая политика», в котором есть особая рубрика «Политическая экономия», где представлен названный выше подход (См.: http://www.ep.ane.ru/). Данное направление становится одним из основных слагаемых «экономического империализма». Эту интенцию популярно, но весьма точно сформулировал А.А.Аузан: «В науке есть явление, которое социологи, юристы, психологи, историки, политологи называют «экономическим империализмом», а сами мы, экономисты, – «новой политической экономией». Суть его в том, что экономисты вторгаются на «чужие поля» и начинают изучать неэкономические объекты, применяя собственные методы исследований» [Аузан, 2011].

Истоки «экономического империализма» обычно видят (сошлемся, в частности, на С.Гуриева [Гуриев, 2008, с. 136]) в работах нобелевского лауреата 1992 г. Г.Беккера, опубликовавшего еще в 1960-1970-х гг. ряд работ, посвященных экономическому анализу человеческого капитала, преступности, семейной жизни и других социальных явлений.. Отмечаются так же такие работы об экономическом империализме, как [Tullock, 1972], [Stigler, 1984], [Hirshleifer, 1985] [Stigler, Becker, 1977], русский перевод [Стиглер, Беккер, 1994]. Кроме того, именно экономический империализм прославил и одного из самых известных экономистов последних лет – С. Левитта, автора "Фрикономики", где суммируется ряд его исследований в области экономики спорта, преступности,

дискриминации, образования, семейной жизни и т.д. На эти работы обращает внимание и С.Гуриев, и ряд других авторов этой темы.

Экспансия экономического империализма отнюдь не случайна. С *гносеологической точки зрения* она не случайно оказалась сопряжена во времени (конец XX – начало нынешнего века) и пространстве (университеты США и ЕС) с «методологическими революциями» в общественных науках. Вытеснение классической методологии (с характерным для нее акцентом на исследовании субстанциональных и каузальных связей, на поиске причин, оснований, сущностей) методологией неопозитивизма и постмодернизма создало гносеологические предпосылки для экспансии математизированного аппарата экономикс [Fine, 2002, p. 2065]. Еще одной предпосылкой стало активное распространение неоинституционализма, где методология индивидуализма, рыночноцентризма и математизированного позитивизма используется для анализа «стыка» экономических и правовых проблем, особо значимого в экономике позднего капитализма, где все более доминирует сфера трансакций, а не производства [ ][8].

Но у экспансии неоклассики в неэкономические области есть и *онтологические основания*, которые лежат в сугубо материальном процессе *экспансии рыночных отношений на области, лежащие вне сферы собственно экономики в ее классическом понимании как единства отношений производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг*. Этот процесс давно известен экономической теории и был назван Дж. Соросом «рыночным фундаментализмом». Последний легко превращается в «экономический империализм» при условии отождествления экономики и рынка[9].

Мы в своих предшествующих публикациях показали, что этот процесс есть превращение рынка в тотальную реальность современного мира. Эта *лежащая в основе «экономического империализма» тотальность рынка многоаспектна*.

Во-первых, рынок выходит за пределы экономики и захватывает все более широкие (в пределе – все) сферы социального пространства-времени: политику, социальные (трудовые и иные коллективы, сети и ассоциации; общественные группы и внутриклассовые отношения; нации и т.п.) и демографические (семья, отношения поколений…) процессы, культуру, науку, образование, и даже саморефлексию человека. Результатом этой *социопространственной тотальности рынка* все более становится превращение:

- демократии и гражданского диалога – в олигополистический политический рынок, на котором те, кто обладает большей «рыночной силой», осуществляют различного рода манипулирование электоратом, превращаемым в пассивный объект политтехнологий [Паренти, 1990];
- дружбы однокашников, солидарности членов определенной социальной группы или класса, товарищества членов трудового коллектива и т.п. – в «социальный капитал» [Бузгалин, 2011], позволяющий извлекать прибыль, осуществляя трансакции на рынке межличностных отношений;

---

[8] Характерны в этом контексте апелляции Е.В.Балацкого [Балацкий, 2012] к «достижениям» экономического империализма. Этот автор указывает на то, что благодаря данному методу стали исследоваться экономические основания и параметры психологии человека, социальных отношений, исторических процессов (в последнем случае он ссылается на труды Норта). При чтении этих строк у нас возникло ощущение дежа вю: мы где-то это не только читали, но и учили. Довольно быстро вспомнилось, где именно: в стандартном учебнике политэкономии и исторического материализма советской поры, где писалось о прямых и обратных связях в детерминации экономикой социальных являений и поведения человека… Сказанное, конечно же, не есть основания для принижения великих заслуг Норта, но и Е.В.Балацкому следовало бы подумать о том, стоит ли эти ставшие в позапрошлом веке банальностями положения выдавать за достижение «экономического империализма» неоклассики.

[9] Это отждествление довольно типично для мейнстрима. Мы об этом будем размышлять в разделе о «рыночноцентризме» современной экономической теории.

- любви – в контракт со взаимными обязательствами по предоставлению брачных услуг, а проблемы отцов и детей – в сделку по поводу наследства;
- искусства – в рынок масс-культурных продуктов и услуг, где by definition нет границы между Красотой и безобразием, ибо таковы каноны постмодернизма, все более превращающиеся в формальные и неформальные рыночные институты;
- воспитания и обучения – в рынок образовательных услуг…

Сказанное – не морализирование (хотя, повторим, политэкономии нравственное измерение экономических феноменов отнюдь не противопоказано), а констатация объективных процессов, которые хорошо известны экономистам (в том числе – адептам экономического империализма) и отображены в их публикациях.

Во-вторых, тотальность рынка проявляет себя в том, что индивид как *Личность* все более глубоко включается в тотально-рыночное бытие, становится функцией рынка экзистенциально. В результате:

- работник бытийствует как товар не только в функции рабочей силы, которую покупает собственник капитала, но и как личность, многие человеческие качества которой присваиваются фирмой, что становится новой формой реального подчинения уже не труда, но Человека капиталу [Бузгалин, Колганов, 2009];
- потребитель из господина (пусть формального) рынка, на котором он ищет полезную вещь или услугу, удовлетворяющую его потребность, превращается в алкающую все новых симулякров (брэндов, хитов) марионетку маркетинга, рекламы и других манипулятивных воздействий капитала [Бузгалин, Колганов, 2012];
- внутренняя духовная жизнь человека трансформируется в «интериоризированную» конкуренцию себя с самим же собой по поводу оптимального с рыночной точки зрения (т.е. наиболее прибыльного) вложения своей духовной и физической энергии[10], превращая Человека в «человеческий капитал» [Бузгалин, Колганов, 2009]…

Эти перечни легко продолжить, но исследование данной материи выходит за пределы нашего текста. Для нас в данном случае важно лишь добавить, что *тотальность рынка есть не некое абсолютное состояние; она сталкивается с контр-силами и нарастает нелинейно, по мере прогресса гегемонии корпоративного капитала*.

У тотальности рынка и, следовательно, *у «экономического империализма», есть и материально-технологические основания*. Ими становится процесс развертывания постиндустриального общества, который на определенном этапе рождает предвиденную еще Марксом и не раз нами отмечавшуюся тенденцию перехода к прогрессу преимущественно в сферах, лежащих «по ту сторону собственно материального производства», в постэкономической сфере[11]. Эта сфера по своей природе требует новых, пострыночных и посткапиталистических форм общественного бытия. Эта модальность подобна тому, как переход «по ту сторону» ручного труда, в мир индустрии требовал снятия натурального хозяйства, крепостничества и сословной иерархии и развития рынка, капитала и гражданских прав человека.

---

[10] Эту внутреннюю конкуренцию homo economicus с самим собой в полной мере отражают теоретики «экономического империализма»: «Между сегодняшней и будущей личностью имеет место серьезный конфликт интересов… "сегодняшнее я" хорошо понимает: "будущее я" станет принимать решения, противоречащие сегодняшним интересам» [Гуриев, 2008, с. 139].

[11] Авторы этого текста начиная с 1980-х годов многократно говорили и писали о поднятой К.Марксом и Ф.Энгельсом проблеме скачка общества «по ту сторону собственно материального производства». Основные выводы этих размышлений были представлены нами в книгах [Бузгалин, 1998] [Бузгалин, Колганов, 2004, 2007]. Эту тему подробно, но в ином – объективстском и некритическом (по отношению к позднекапиталистической форме постиндустриальных тенденций) ключе – развивает и В.Л.Иноземцев [Иноземцев, 1998].

Однако в условиях сохраняющейся глобальной гегемонии капитала эта тенденция обретает описанную выше форму экспансии рынка в принципиально нерыночные сферы, Эта форма превратна, но действительна. Распространение рынка в принципиально нерыночные сферы с неизбежностью обусловливает и распространение в этих областях и адекватных «рыночноцентризму» бытия форм его теоретической рефлексии, т.е. науки, его изучающей: формы рынка (даже если они появляются вне экономики) должна изучать наука о функционировании этих форм, т.е… экономикс.

Так завершается цепь причин и следствий, объясняющих на основе марксистской методологии «тайну» появления и эпидемического распространения «экономического империализма» по общественным наукам.

В этой связи мы можем сказать: противоположный «экономико-империалистическому» методолого-теоретический подход позволяет точно и определенно показать социально-экономические основания тех или иных теоретических представлений и объяснить, почему и какие именно политико-идеологические интерпретации им даются представителями тех или иных направлений. Так, исследователь, остающийся в своем исследовании исключительно на уровне явлений, наполненных в условиях позднего капитализма превратными формами, не может не отразить, буквально следуя фактам, рыночный фундаментализм как единственно сущую реальность и «честно» описать механизм его функционирования.

Проблема здесь, однако, будет в том, что такой теоретик «честно» опишет *ложную* реальность – тот морок, который наводит фетишизм тотального рынка на любого его участника. Социальные науки (и гетеродоксальная экономическая теория, политэкономия, в том числе), в этом плане жестко отличаются от претендующих на всю науку-экономику неоклассиков тем, что они прямо говорят о том, что исследователь, его методология и теория прямо связаны с практикой. Что практика – это не факты сами по себе, не отдельные статистические данные, а общественно-*исторический* процесс, где «эмпирией» являются реформы и революции, смены общественных систем, глобальные кризисы и трансформации (а не методические указания для желающих успешно спекулировать на бирже [12]). Что эта социальная практика есть взаимодействие акторов с различными, в том числе – объективно противоречивыми общественными интересами. Что общественная наука (в том числе – экономическая теория) может и должна честно и недвусмысленно отражать эти различные интересы и говорить об этом прямо, не кокетничая с претензиями на некую абсолютную «объективность» [13].

Теоретики «экономического империализма», однако, иначе объясняют причины широкого распространения их парадигмы.

---

[12] Показательна в этой связи отсылка Е.В.Балацкого к феномену «засекречивания наиболее важных новых экономических разработок, среди которых технологии корпоративных форсайтов, алгоритмы, «зашитые» в программы для биржевой игры и оцеки кредитоспособности клиентов банка и т.п. [Балацкий, 2012, с. 142]. Впрочем, наиболее успешные биржевые игроки потому и успешны, что как раз этим рекомендациям и не следуют.

[13] Обратим внимание на весьма любопытные в этой связи фразы К.Э.Яновского, решившего перефразировать Черчилля: "Если говорить и об адекватности методов, и о политической неангажированности, и о готовности к практически реализуемым рекомендациям, то можно согласиться с тем, что по всем трем позициям экономисты никуда не годятся. Однако все остальные обществоведы выглядят гораздо хуже экономистов. Может быть потому, что "экономические методы самые плохие, кроме всех остальных" [Яновский, 2009, с. 136]. Здесь на лицо как минимум несколько «неточностей». Во-первых здесь и выше Яновский ничтоже сумняшеся отождествляет всех экономистов со сторонниками «демократии налогоплательщика» – теми, для кого едва ли не высшей ценностью европейской цивилизации (и, видимо, всего мира) является защита «как права собственности, так и самого собственника» [Яновский, 2009, с. 133] т.е. с право-либеральным крылом одной из ветвей экономической науки. Во-вторых, Яновский считает, что они ближе всех к объективности на том основании, что они лучше всех видят как защитить те самые интерсы собственников (читай – капитала), которые он и ставит во главу угла…

И это откровенное до цинизма стремление выдать интерсы собственника капитала за единственно возможные ценности цивилизации и есть… объективность?

На их взгляд ключ к ответу на вопрос о ее популярности лежит в собственных имманентных достоинствах экономикс. Последние же состоят в том, что, *во-первых*, ее инструментарий (toolbox) может быть использован для исследования самого широкого круга явлений, а ее язык адекватен для анализа самых разных тем, позволяя самые сложные проблемы исследовать при помощи относительно простых абстрактных терминов [Lazear, 2000, pp. 99].

Не менее важно то, что, *во-вторых*, экономический империализм позволяет использовать в общественных науках позитивный метод. На языке адептов мэйнстрима это означает использование строго – если не сказать единственно – научных подходов [Lazear, 2000, pp. 100–102], когда теория формируется исключительно на основе фактов и может быть подвергнута верификации и фальсификации. Естественно, что в этом случае основными становятся математические методы исследования, а неквантифицируемые феномены остаются «по ту сторону» науки [14].

В-третьих, в основу любой общественной науки кладется аксиома о приоритете (1) рационального (в исследованиях последних десятилетий – с некоторыми уступками в пользу ограниченной рациональности [Becker, 1962]) индивида, который максимизирует свою полезность, (2) равновесия в общественной системе (physical-sciences-style equilibrium) и (3) обеспечения ее эффективности («бесплатного обеда не бывает» – принцип, который, по мнению Е.Лэйзера, остальные общественные науки игнорируют). И это позволяет экономиксу завоевывать те территории, которые ранее были недоступны науке[[Lazear, 2000, pp. 99] [15].

Первые два пункта мы здесь не будем рассматривать специально, ибо идеи об научной плодотворности *исключительно* методологии (нео)позитивизма, едва ли не 100%-но ориентированного на математический аппарат, нами (и далеко не только нами) уже была подвергнута конструктивной критике. То же касается и постмодернизма [Бузгалин, Колганов, 2009].

А вот последний блок аргументов представляет немалый интерес именно в связи с проблемой критики «экономического империализма» и его производных, в частности, «политической экономики». Эта критика предполагает прежде всего позитивную оценку того факта, что едва ли не *150 лет спустя после Маркса и на многие десятилетия отстав от его последователей* представители мейнстрима «вдруг» узнали, что:

- индивиды не всегда 100%-но рациональны и (о чудо!) некоторые из них могут не только в кратко-, но и в долгосрочной перспективе максимизировать не только денежный доход, но и иные ценности, в том числе – социальные, альтруистические… [16],

---

[14] С.Гуриев этот тезис выразил предельно жестко: «"Колонизируя" другие общественные науки, экономисты стараются распространять принятый в естественных науках подход: формулировка предпосылок, формальное получение тестируемых гипотез, проверка гипотез при помощи эмпирических данных. Безусловно (…), в общественных науках применение этого подхода интереснее, но и труднее и даже рискованнее для научной репутации. Но другого пути развития общественных наук нет. Ведь только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие – нет. В соответствии с рассуждениями знаменитого философа Т. Куна, только та теория чего-нибудь стоит, которая может быть отвергнута данными. Именно "экономический империализм" и приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории. Поэтому он – необходимое условие развития других общественных наук» [Гуриев, 2008, с. 139–149].

[15] Г.Беккер в этом перечне делает несколько иные акценты: «Связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений, проводимые твердо и непреклонно, образуют ядро экономического подхода в моем понимании» [Беккер, 1993, с. 27].

[16] «…в последнее время экономисты начали соглашаться и с тем, что люди часто ведут себя хорошо и по отношению к тем, кого они больше никогда не увидят, многие работают в благотворительных и некоммерческих организациях, и т.д. Единственно возможное объяснение заключается в том, что мы все-таки сами по себе хотя бы немного любим делать добро и предпочитаем справедливость несправедливости, потому что так устроена человеческая натура или социальная среда. Как это доказали многочисленные экспериментальные исследования Э. Фера и его соавторов, люди действительно хотя бы в некоторой

- для взаимодействия индивидов характерны не только конкуренция, но и отношения солидарности и товарищества;
- счастье не совпадает с величиной дохода и т.д. и т.п.

Для классической политэкономии все те материи, которые Е.Лэйзер обявил ранее недоступными общественным наукам и которые ныне называют «человеческим», «социальным», «культурным» и т.п. *«капиталом»* уже давно были хорошо известны, хотя и под другими (на наш взгляд – более соответствующими содержанию объективных явлений) именами. Более того, наша наука давно (как минимум с XIX века) подчеркивала, что в разных экономических системах (NB! Для нас, в отличие от представителей мейнстрима, экономика не тождественна рынку!) существуют разные общественные отношения. Они порождают:

- разные формы координации; напомним, что кроме рынка и его «провалов», существуют еще и натуральное хозяйство, и различные формы насильственного распределения и перераспределения ресурсов, и многочисленные виды отношений общественного сознательного регулирования экономики, и сетевые нерыночные отношения (наподобие викиномики), и др.;
- разные формы отношений отчуждения, присвоения и их снятия: от разных видов внеэкономической зависимости типа рабства, крепостничества, азиатской деспотии и т.д. через многообразные формы подчинения труда капиталу и присвоения прибыли к отношениям социального освобождения, солидарности и собственности каждого на все, как это уже давно устроено в мире неограниченных общественных благ, «копилефта» и т.п.;
- разные формы отношений распределения и перераспределения дохода и социальной справедливости…[17]

Далее, все эти разные общественные системы порождают разные типы Человека, который в разных системах, вступая в различные отношения, принадлежа к различным социальным группам и классам, имеет разные системы ценностей и мотивов, или, говоря на языке экономикс, *разные типы рациональности* (к анализу этой материи мы еще вернемся).

Более того, в этих разнокачественных общественных отношениях формируются социальные общности, для которых становятся характерны *единые* социальные интересы, которые, повторим, не сводимы к сумме интересов эгоистических индивидов. Для

степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства» [Гуриев, 2008, с. 137].

[17] В этой связи вечьма знаменательно еще одно «открытие» политической экономики, сделанное несколько лет назад: оказывается в США и Европе по разному понимают социальную справделивость (в Америке якобы считают, что надо больше работать и платить небольшие налоги, а в Европе – получать больше пособий за счет высоких налогов) и это причина того, что в Европе якобы меньше ВВП на душу населения [Гуриев, 2008, с. 139]. В этих размышлениях есть как минимум три «неточности». Во-первых, различие либеральных и социал-демократических социально-экономических систем, равно как и отражающих их ценностей и идеологий, были описаны (в том числе – и на языке моделей), обоснованы и статистически проиллюстрированы за многие десятилетия до упоминаемых С.М.Гуриевым работ (в последних, впрочем, есть свои оригинальные положения, но это отнюдь не «открытия» разных трактовок социальной справедливости). Во-вторых, во многих странах Западной Европы (в том числе – в Скандинавии, где максимально развито социальное государство) ВВП на душу *больше*, чем в США. Более того, по такому важнейшему с социально-экономической точки зрения показателю эффективности как Индекс развития человеческого потенциала скандинавские страны в большинстве своем опережают США. В-третьих, социал-демократическая модель предполагает, что справедливым является не паразитизм бездельников, а гарантия защищенности базовых человеческих потребностей и равных стартовых возможностей, дифференциация, зависящая от трудового вклада и высокое налогообложение только наиболее богатых групп общества, чьи доходы с социал-демократической точки зрения (Читайте К.Каутского!) есть результат эксплуатации работников и – в современных условиях – спекулятивных сделок. Более подробное изложение этих положений, их обоснование и подтверждающую их статистику можно найти, в частности, в нашей книге [Бузгалин, Колганов, 2005].

классической политэкономии существуют и уже давно являются объектом исследования такие конкретно-всеобщие феномены как *интерес класса* или *общенародный интерес* [18]. (В скобках заметим: несложно спрогнозировать, что «политическая экономика» скоро сделает – а может быть уже сделала – еще одно великое открытие и объявит, что в экономике не только индивиды, но и трудовые коллективы, социальные группы, классы, народы и национальные сообщества так же выступают реальными «акторами», у которых есть реальные общественные и в том числе экономические, интересы [19]).

Полное перечисление и раскрытие всех этих проблем опять же не входит в задачу данного текста – мы это уже делали ранее [Бузгалин, Колганов, 2009]. Здесь для нас было важно другое: подчеркнуть, что *«политическая экономика» только в последние десятилетия начинает открывать для себя массу «новых» для экономикса, но давно известных для классической политэкономии исследовательских полей, связанных с тем, что мир не сводится к рынку, а человек есть не только рациональный эгоист.*

Но!

«Экономический империализм» потому и есть империализм, что он, колонизуя, подчиняет себе все завоевываемые им пространства. Точнее он *все богатство общественных отношений и экзистенций человека представляет в виде не более чем рыночного торга*, лишь в виде исключения признавая возможность индивида максимизировать иную полезность, но все равно теми же методами и на тех же принципах.

При этом каждый из принадлежащих к мейнстриму исследователей сам по себе субъективно может быть абсолютно честен как ученый. Отказываясь от иных методов, кроме математического моделирования эмпирически наблюдаемых и квантифицируемых процессов, такой исследователь не может видеть ничего иного кроме однокачественных эмпирически данных форм. В условиях тотальной экспансии рынка они на 90% являются рыночными *везде*, а не только в экономике. Что в этом случае может сделать исследователь *такой* реальности, пользующийся *таким* методом? – Только одно: построить более или менее точную модель, описывающую эти превратные формы. И для этого, действительно, язык, инструментарий и методы экономикса будут вполне адекватны. Посему – с одной стороны, – растет число исследователей-обществоведов, все более активно использующих методологию «экономического империализма». С другой стороны, объективно происходящая в глобализованной капиталистической системе последних десятилетий экспансия рыночных форм в нерыночные сферы неизбежно сопровождается и ростом числа исследователей-экономистов, которые с жадной радостью устремляются на эти тучные невозделанные нивы экономического анализа [20].

---

[18] Авторы эту тему раскрыли в одной из всоих ранних работ [Бузгалин, Колганов, 1985]. В ней дан и широкий перечень советских авторов, писавших на эту тему. В настоящее время в России наличие общенародных и иных групповых социальных интересов акцентируют Р.С.Гринберг, А.Я.Рубинштейн, С.С.Слепаков и др. авторы.

[19] До настоящего времени автору в рамках мейнстрима приходилось все больше сталкиваться с мнением, едва ли не афористично высказанным В.Л.Тамбовцевым: «… “пафос” этого принципа (принципа методологического империализма – авт.) – в стремлении исключить из научного рассуждения такие надындивидуальные феномены как «коллектив», «класс», «организация», «общество» или «регион», не в качестве эмпирически фиксируемых объектов, а в виде самостоятельных акторов, действующих в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды» [Тамбовцев, 2008, с. 133]. Ну, разумеется, класс не «действует в том же смысле, в каком действуют конкретные индивиды». Но не стоит под прикрытием этой банальности изгонять из науки факт реальной общественной связи людей в классы, каковая сваязь существенным образом детерминирует их поведение, заставляя конкретных людей в значимом смысле выступать как общность, целостность.

[20] Авторы уже отмечали, что в настоящее время и в мире, и в России идет и широкая критика «экономического империализма». О российских авторах мы уже писали выше. Что касается зарубежных, то и там одни авторы остаются на весьма умеренных позициях, сетуя лишь на то, что сторонники данного течения страдают чрезмерно аррогантным и догматичным подходом и призывают к большей самокритичности [Mäki, 2009]. Едва ли не наиболее жестко безудержный энтузиазм «экономистов-

Так во взаимном экстазе «экономического империализма» сливаются профессионалы от экономики и от социологии, политологии и массы других «…логий».

И здесь все было бы хорошо и покойно, если бы…

Если бы не появлялись время от времени не-ортодоксальные исследователи (например, марксисты) и не начинали наподобие воспетого еще Сократом овода приставать к спокойно работающим «профессионалам» со странными вопросами:

А не превратные ли (т.е. не искажающие ли содержание до противоположности) формы вы исследуете, коллеги?

А не лежит ли рядом с вами бездна иных исследовательских полей и проблем, которые принципиально важны для понимания природы и судеб нынешней экономики и общества, но не поддаются анализу при помощи ваших методов и инструментария?

А нет ли совсем рядом с вами (и даже внутри ваших же университетов) иных, нежели бизнес и государство заказчиков, которые задают науке иные, нежели те, на которые вы привыкли отвечать, вопросы?

Эти вопросы сегодня все чаще задает не столько уходящее поколение выросших на марксизме и не предавших его забвению постсоветских (в экс-СССР) или принадлежащих к «поклению-68» (на Западе) профессоров, сколько молодые генерации студентов и иных интеллектуалов, с писем которых мы начали этот текст; эти вопросы задают активисты многомиллионных социальных движений Европейского Союза и Азии, США и Латинской Америки, СНГ и Африки…

Вопреки мнению многих специалистов в области общественных наук авторы данной статьи считают, что на вопросы этих субъектов исторического процесса надо отвечать.

Эко-социо-гуманитарная «экспансия» в экономическую теорию как альтернатива «экономическому империализму» или проблемы, которые нельзя решить, оставаясь в русле economics

Отвечающие на эти вызовы и выступающие в качестве альтернативы «экономическому империализму» подходы предполагают принципиально иной акцент, генетически восходящий к классической политической экономии – *использование широкого социо- и гуманитрано- (в современных условиях – еще и эко-) ориентированного подхода и методологии к исследованию собственно экономических процессов*, которые в этом случае рассматриваются как всего лишь одна из сфер общественного развития, причем сфера, где формируются его средства, а не цели и ценности, и потому сфера подчиненная задачам прогресса Человека, Общества и Природы и ограниченная последними. Такова, на наш взгляд, главная определенность и классической и современной, ***постклассической политической экономии***.

Последняя в данном контексте предстает как эко-социо-гуманитарно-ориентированная экономическая теория, противопоставляющая своего рода ***«экспансию» социо-гуманитарных и экологических подходов в область экономических явлений в противоположность нынешней – «экономиксовской» – экспансии узко-экономических (рыночных) подходов в социальные, политические и гуманитарные сферы.*** При этом собственно *«политический» аспект* политэкономии никуда не исчезает, составляя одну из центральных проблем широкого социального блока.

Эта «экспансия» социальной (в т.ч. политической) и гуманитарной проблематики не является чем-то принципиально новым для классической политической экономии (поэтому, в частности, мы и используем столь часто термин «реактуализация»). Начиная с

империалистов» высмеян в остроумной пародии А.Блайндера «Экономическая теория чистки зубов» [Блайндер, 1994].

Не могу не уточнить: хотя в данном тексте мы все больше пишем о российских дискуссиях, в целом они все же вторичны по отношению к полемике на Западе.

Адама (в данном случае имеется в виду Смит) классическая политическая экономия исходила из принципиального единства нравственного и экономического начал[21]. Для Карла Маркса широкий социальный, политический и гуманитарный (а в ряде работ и «натуралистический», т.е. говоря сегодняшним языком «экологический») контекст экономических процессов был очевиден[22]. Не менее очевиден он был и для таких его последователей как В.И.Ульянов, Г.Лукач и мн. др. Более того, даже «продвинутые» советские учебники исторического материализма всячески боролись с «грубым экономическим материализмом», игнорирующим обратное влияние «надстройки» на производственные отношения и не учитывающим сложный комплекс *взаимо*действий производственных отношений и производительных сил, общества и природы[23].

Но в данном контексте это не главное. Человечество вступает в период заката мира, который Маркс назвал «экономической общественной формацией»[24], и в эту эпоху проблемы *взаимо*действия экономических и социо-гуманитарных, экологических, технологических аспектов развития становятся принципиально значимыми. Сие есть банальность. Вопрос, однако, в том, как отвечать на эту банальность – методом «экономического империализма» (т.е. путем навязывания рыночного фундаментализма и не-экономическим сферам) или путем эко-социо-гуманитарной трансформации экономики.

Эта стратегическая альтернатива прямо связана и с теоретическими дебатами нарождающейся постклассической политической экономии и все еще господствующей экономикс.

Эти две парадигмы существенно различным образом отвечают на все «вечные» вопросы экономической теории, по-разному определяя сам феномен экономики (т.е. свой предмет) и методы ее исследования, ее акторов и основные категории. На этом, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее, проведя краткий сравнительный анализ этих двух парадигм по обозначенным выше параметрам.

Итак, сама ***экономика*** в трактовке экономикс предстает как сфера индивидуального выбора рациональным экономическим индивидом наиболее

---

[21] Об этом говорят даже названия основных работ А.Смита. Известно, что появлению трактата «О природе и причинах богатства народов» предшествовала книга, которая только при жизни автора переиздавалась шесть раз, была переведена на французский и немецкий языки и называлась «Теория нравственных чувств» [Smith, 1759].

[22] «*Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному,* т. е. человечному. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» [Маркс, 1974, с. 116].

[23] См., например [Келле, Ковальзон, 1969]. Более подробно и аргументировано критика «экономического детерминизма» была дана в книге этих же авторов «Теория и история» [Келле, Ковальзон, 1981]. Заметим в этой связи, что в западном марксизме существует устойчивая традиция приписывать «советскому марксизму» именно экономический детерминизм [Sherman, 1995, p. 6-7]. Эта тенденция правомерна только в очень малой мере, а именно, в той, в какой в популярных или очень грубых работах советской поры (особенно сталинского периода) встречались пассажи, которые можно было так истолковать.

[24] «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [Маркс, 1959, с. 8–9].

эффективного пути использования ограниченных ресурсов. Эта теза может несколько корректироваться (в частности, в свете нынешних дебатов о мере ограниченности рациональности индивида), но принципиальная постановка вопроса не изменяется: центральная проблема – это выбор атомизированным актором оптимальной модели совершения трансакций, которые по определению носят рыночный характер. Именно эта модель переносится и на другие сферы общественной жизни. Более того, в большинстве случаев мэтры монетаризма (определяющие мэйнстрим в рамках экономикс [25]) вообще стремятся свести экономическую науку к теории денег (высказывание: «экономика – это деньги» приписывается десяткам «классиков» экономикс и даже российским министрам финансов).

Постклассическая политическая экономия принципиально иначе рассматривает «экономику». Для нас это совокупность (1) качественно различных (2) исторически конкретных (3) объективно-обусловленных (4) систем (5) производственных отношений, в которые не только индивиды, но и (6) их социальные группы вступают в (7) процессе вос*производства человеческого общества*. Эти системы (8) *взаимо*действуют с природой и технологическими основами экономики, а также (9) ее социо-гуманитарным оформлением в процессе (10) исторического развития, критерии прогресса которого и задают высшие критерии эффективности экономического процесса.

Все эти акценты радикально отличают политэкономический подход. По сути дела это иная, чем экономикс, наука: у них разный ***предмет***. Но в то же время ряд объектов этих наук совпадает: и та, и другая анализирует процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство…), имеют сходные категории (стоимость или ценность, деньги, капитал, рента…). Поэтому сравнение этих прадигм имеет смысл.

Методы исследования этих дисциплин так же весьма различны. Если для экономикс исходный пункт исследования – это, прежде всего, количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Само исследование для экономикс есть прежде всего позитивное, верифицируемое моделирование (как правило – математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий. Для политической экономии это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицают другие (сущность) и лишь вся система категорий в целом дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть свидетельство не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели в политэкономии играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы.

Столь же различно понимание акторов экономики. ***Человек*** в экономикс есть более (для одних школ) или менее (для других школ) рациональный эгоист, максимизирующий свою полезность (которая как правило отождествляется с деньгами) и минимизирующий свои затраты (прежде всего – труда). Если в этой парадигме и встает проблема человеческих качеств, то только для того, чтобы превратить человека в особый вид капитала и далее рассматриваться лишь под одним углом зрения: в развитие каких из них наиболее прибыльно инвестировать.

---

[25] Влияние крайне правых экономистов-теоретиков, идушее от Хайека, на «основное течение» экономической теории точно и адекватно раскрыто в упоминавшейся выше статье А.И.Московского [Московский, 2012].

В постклассической политической экономии Человек не случайно пишется с большой буквы, ибо, во-первых, его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности любой экономической системы.

Во-вторых, показывается, что в разных экономических системах Человек качественно различен по своему социально-экономическому бытию: в условиях добуржуазных систем он мог быть объектом внеэкономического принуждения, стремился к воспроизведению традиционного типа и объема деятельности, а максимизацию денег считал аморальным занятием; в условиях рыночной экономики рождается тот самый экономический человек, который экономикс видится «естественным», хотя на самом деле этот тип личности и соответствующие ему системы ценностей и мотивов стали господствующими в мире едва ли сто лет назад: до этого большинство людей производило и потребляло под влиянием совершенно других интенций. Более того, в настоящее время все более активно развивается новый тип личности – субъект творческой деятельности, для которого труд становится ценностью, а не тягостью…

В-третьих, с точки зрения политической экономии – и классической, и современной – человек в условиях «экономической общественной формации» включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т.п.), которые в свою очередь так же существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы.

Соответственно, в-четвертых, проблема *рациональности* в политической экономии – это, вопрос, прежде всего, не большей или меньшей рациональности, а *типа рациональности*. Мы исходим из того, что ***существуют качественно различные виды рационального поведения человека***. И потому для нас главным является вопрос не о том, *насколько* рационален человек, а о том, *как* он рационален, что и почему он максимизирует (соблюдение чести и традиций, деньги, творческую деятельность, справедливость и солидарность…), что и почему он минимизирует и, главное, как и почему он совершает те или иные *поступки* в своей *общественно-исторической практике*, как и почему он самоопределяет себя, поддерживая или отвергая эко-социо-гуманитарные реформы, инициируя (поддерживая) или нет революции (в том числе – антифеодальные, например Войну за независимость в Северной Америке) и т.п.

Не менее важны вопросы о том, актуальны ли для теоретического экономического анализа такие «акторы» как ***коллективы, социальные страты, классы*** (полемику на эту тему мы уже приводили выше) и, наконец, вопрос о том, что есть ***общество*** и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными экономическими интересами. Напоминая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы – это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы – это реальный фактор, обусловливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат, это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение не возобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т.п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т.п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только…

Еще более сложен вопрос ***о государстве и его роли в экономике.*** В политической экономии государство предстает как *исторически различный актор, специфический для разных экономических систем*, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института).

Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т.п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т.д.

Кажущееся сходство в определении «***фирмы***» в постклассической политэкономии и экономикс тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, экономикс (и даже новый институционализм) по сути дела заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде – капитала), для которого (2) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи (вспомним данное в «Капитале» определение капиталистической кооперации – исторически и логически исходной формы капиталистической «фирмы»). Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) первое, новый институционализм – второе.

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в *разных* экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма – простая капиталистическая кооперация, развитого индустриального капитализма – капиталистическая фабрика, постиндустриальной системы – капитал-сеть и т.д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» – это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке, различных в экономикс и политической экономии…

И все это в конечном итоге потребует ответа на *ключевые вопросы*:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают;
- что, как и почему они (вследствие этого) изучают.

Так мы вновь (надеемся, что на новом витке исследования) вернулись к выводу одного из предыдущих подразделов: ***практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе***. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ экономикс и политической экономии.

А продолжим мы его апелляцией к банальному положению: признаем ли мы, что мир *качественно изменчив* и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; если мы признаем, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; если, более того, мы признаем, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых economics? Если мы признаем все это, а так же примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и экономикс, то мы

сможем сформулировать весьма важные *методологические гипотезы,* показывающие ***спектр проблемных полей, которые экономикс не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии,*** причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и экономикс.

1. *«По ту сторону» economics по сути дела остаются все вопросы исследования не рыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношении;, эта теория «рыночноцентрична»;* все, что не-рынок, для нее не существует или оценивается исключительно как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму (о «рыночноцентричности современного mainstream'а мы будем специально размышлять в следующем тексте, а о некоторых современных исключениях – например, экономической теории счастья – мы упомянем ниже).

2. Даже если абстрагироваться от не-рыночных систем, *economics принципиально не исследует рынок* (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) *как исторически-конкретную, т.е. возникающую и переходящую систему.* В его рамках просто нет достаточных теоретических оснований для такого исследования.

3. В предыдущем разделе данного текста мы специально показали главную проблему: *economics дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» – сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката эта теория даже не ставит и не может ставить.*

4. Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе *производства и распределения*, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как *производственно*-экономические, так и *социально*-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.

5. *По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства).* Ответы на вопросы о *причинах* кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного *качества* роста, соотношения роста и *развития*, экономических основах социально-гуманитарного *прогресса* (регресса) и т.п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не кванитифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т.п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных пост-марксистами, *economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов.* За ее бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, влияния их на экономические процессы, отношения, даже поведение экономических агентов. Не рассматривает вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции – доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром ориентация на производство симулякров (об этом типе рынка мы пишем в другом тексте), все более характерное для капитализма эпохи постмодерна… Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. *Наконец, для economics по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены.* От всего остального – по сути дела от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что нельзя «строго» (т.е., по их мнению, при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически вывереной модели) отобразить и верифицировать.

PS.
К проблеме плюрализма экономических теорий

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности economics позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- и просто не- известных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: *для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода.* В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть *странное* в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»; как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше» [26]).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя – разностороннее, не догматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, *поиска точек взаимодействия различных парадигм,* взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании *доминирование* (причем едва ли не абсолютное) *economics как базовой, универсальной системы знаний и языка, экспансия которых в рамках методологии экономического империализма распространяется не только на всю экономическую теорию, но и на другие общественные науки.* Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания economics (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать economics нельзя, но не хуже ли знать *только* economics?

Между тем множество подходов лежит в стороне от mainstream'а, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их равноправие *как принцип* науки вообще мало кем подвергается сомнению. Тем более странно (опять же с *принципиальной* точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование *междисциплинарного подхода* и соответственно наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. А economics и базирующейся на этом

[26] Акцент на этом слове-понятии «страньше» мы позаимствовали из блестящего выступления Д.Г. Плахотной на методологическом семинаре кафедры политической экономии экономического факультета МГУ.

направлении экономический империализм – это не просто акцент на узко экономическом подходе, но и сведение к нему всех сфер жизни общества и Человека. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью mainstream как такового, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом economics.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и соответственно открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, *различных языков* науки. Точно так же, как невозможно вести естественнонаучные исследования на языке богословия, так же невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык и инструментарий economics. Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости применения *разных методов исследования,* ибо метод не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей ученых-экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии «социализма»[27]. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, *необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов.* Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов В.С. От “экономического империализма” к стремлению к взаимообогащению // Общественные науки и современность, 2010, № 3.

Аккерман Ф., Ананьин О., Вайскопф Т., Гудвин Н. Экономика в контексте *{вопросы преподавания экономической теории) //* Вопросы экономики, 1997, № 2.

Ананьин О.И. «За “экономический империализм” без амбиций, или О формах междисциплинарных взаимодействий» // Общественные науки и современность, 2009, № 6, с. 130-139.

Аузан А.А. Институциональная экономика для чайников, часть 9 // Esquire, 20 января 2011.

Балацкий Е.В. За пределами “экономического империализма”: продолжение сложности // Общественные науки и современность, 2012, № 4.

[27] Отчасти это показано в последнем томе «Всемирной истории экономической мысли [Всемирная…, 1997], в дискуссии о российской школе экономической мысли, проходившей на страницах журнала «Вопросы экономики», а так же в монографии А.С.Шухова о советской экономико-математической школе [Шухов, Фрейдлин, 1996], в коллективной монографии о «зернах и плевелах» политической экономии социализма и др.

Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS, 1993, вып. 1, с. 27.

Блайндер А. Экономическая теория чистки зубов //THESIS, 1994, Вып. 6.

Бузгалин А.В. По ту сторону «царства необходимости». М.: Экономическая демократия, 1998.

Бузгалин А.В. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании // Общественные науки, 2011 №3.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика. 1985.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М.: Едиториал УРСС. 2004. 2-е изд. 2007.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. М.: ИНФРА-М. 2005.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М.: Культурная революция, 2009.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Альтернативы, 2012, № 2.

Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. М.: Таурус Альфа, 1997.

Всемирная история экономической мысли / Под. ред. В.Черковца и В.Радаева. Т. 6. М.: Мысль, 1997.

Главная книга о кризисе. М.: Яуза, 2008.

Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // Общественные науки и современность, 2008, № 3.

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: «Academia» - «Наука». 1998.

«Капитал» и Экономикс. Вопросы методологии, теории и преподавания. Выпуск 2. Под ред. Черковца В.Н. М.: ТЕИС, 2006.

«Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып.3. Под ред. В.Н Черковца. М.:ТЕИС, 2009.

Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М.: Высшая школа, 1969.

Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981.

Либман А.М. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований // Вопросы экономики, 2008, №1).

Львов Д., Пугачев В., Сухотин Ю. Экономическая наука и практическое реформирование // Российский экономический журнал 1993, №1.

Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: ИПЛ, 1974.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959.

Московский А.И. Почему экономисты Гарварда выступают против лекций Грегори Мэнкью? // Экономист, 2012, № 1.

Ноув А. Какой должна быть экономическая теория переходного периода *(критический обзор).* Вопросы экономики, 1993, № 11.

Павлов М.Ю. Политэкономия и экономикс в XXI веке // Вопросы новой экономики, 2010, № 4; 2011, № 1.

Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс. 1990.

Покрытан П.А. О методологии экономических исследований // Экономист, 2011, № 8.

Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность, 2011, №2.

Пороховский А.А. Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист, 2011, № 1.

Радаев В.В. «экономические имперниалисты наступают. Что делать социологам?» // Общественные науки и современность, 2008, № 6, с. 118.

Рязанов В. (Санкт-Петербург). Какой быть базовой экономической дисциплине в вузах? // Российский экономический журнал 1996, №11–12.

Стиглер Дж. и Беккер Г. О вкусах не спорят// США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2.

Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / Пер с англ. Л.Гончаровой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Тамбовцев А.А. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность, № 5, 2008.

Урнов М.Ю. «Экономический империализм» глазами политолога // Общественные науки и современность, 2009, № 4, с. 138.

Шухов Н.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России (1885 – 1995). М.: Наука. 1996.

Черковец В. Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность // Российский экономический журнал 1996, №3.

Яновский Э.К. Несколько примеров методологии, или «Экономистам не в чем каяться!» // Общественные науки и современность. 2009. № 2.

Becker G. Irrational Behavior and Economic Theory // Journal of Political Economy, 1962, № 70(1).

Buchanan J. and Tullock G. The Calculus of Consent. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Fine B. Economics Imperialism and the New Development Economics as Kuhnian Paradigm Shift? // World Development, 2002, Vol. 30, No. 12.

Hirshleifer J. The expanding domain of economics // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 6.

Lazear Ed. Economic Imperialism. // The Quarterly Journal of Economics, Feb. 2000, Vol. 115, No. 1.

Mäki U. Economic Imperialism: Concept and Constraints. // Philosophy of the Social Sciences, September 2009. Vol. 39, No.3.

Ormerod P. The Death of Economics. 2d edition. New York, John Wiley & Sons: 1997.

Sherman, Howard J. Reinventing Marxism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.

Smith A. The Theory of Moral Sentiments, 1759.

Stigler G.J. and Becker G.S. De Gustibus Non Est Disputandum//American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 2.

Stigler George J. Economics—The Imperial Science? // Scandinavian Journal of Economics, 1984, № 86(3).

Tullock Gordon. "Economic Imperialism" // Theory of Public Choice, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972.